

ЖЕНЩИНА ПОИСТИНЕ СВЯТАЯ

Владимир Гордейчев

ХЛЕБ ВОЙНЫ

Моей матери

Не было муки.
Она была
более легендою, чем былью,
с лебедою смешанною пылью,
черная — и все-таки бела.
Чем еще ей было нас кормить,
матери, спасавшей нас от смерти?
Это было творчеством, поверьте,
тесто из муки такой творить!
Дня не знала. Ночи не спала.
А уж сколько свеклы перетерла...
Все переборолa. Не дала,
чтобы смерть схватила нас за горло.
Завывает вьюга за стеной,
белые сугробы наметая.
Вот она сидит передо мной,
Женщина воистину святая.
Ей бы можно плакать от обид,
вспомнив все, что вынесла когда-то,
а она о свекле говорит
и просто краснеет виновато.

Воронеж

*Общая тетрадь.
Стихи*

Елена Еремина

* * *

Когда меня ты в ванночке купала,
Была я бессловесна и мала.
Как ты меня с любовью целовала
И восхищенно на руки брала...

Как много было — и как мало было!..
Сквозь машинальность
Наших кратких дней
Как слепо и бездарно упустила
Я тайну жизни трепетной твоей.

Как надо мною ласково витала
Душа неповторимая твоя,
Когда, прощаясь, вновь перебирала
Подробности земного бытия.

Воронеж

Анатолий Жигулин

* * *

Е.М. Раевской

Ах, мама, мама! Как ты пела, мама!
Тебя уж нет, но голос твой — во мне.
Он все звучит и нежно, и упрямо.
И сердце стынет в горьком полусне.

В той тихой песне было много боли.
Про черный омут, вербы, тростники.
Про васильки, которые для Лели
Вы собирали в поле у реки.

Ушло навеки все, что было близко.
Лишь васильков — косою не скосить.
Забыл слова из песни материнской.
Забыл слова и некого спросить.

Воронеж — Москва

Егор Исаев

* * *

— Добро — к добру. — Мне мама говорила
И добрых всех добром благодарила
И, величая всех, всех горячо любила,
Всем находила место у огня.
И лишь себя повеличать забыла
За то, что в муках родила меня.

Воронеж — Москва

Диана Кан

* * *

О, эти чудо-одуванчики,
Льняными бывшие и рыжими, —
Совсем как новобранцы-мальчики
Паленым ветром бриты-стрижены.

Они по отчим неудобиям
Встают рядами поределыми.
Иль жмутся к воинским надгробиям
С их матерями поседелыми.

Ужели им (уже не верится!)
Под всхлипы вешнего соловушки
Весной венки сплетали девицы
И водружали на головушки?..

Ужель совали им в карманчики
Гостинцы ласковые матушки?..
Вчера лишь — маменькины мальчики...
Сегодня — русские солдатюшки.

Они взойдут на поле ратное
И сложат буйные головушки...
И — отцветут цветочки ранние —
Недолгие, как вдовьи солнышки.

Оренбург

Зоя Колесникова

* * *

Мама в детстве за руку вела.
Помню нашу долгую дорогу...
А еще — те добрые дела,
что кому-то праведно помогут...

Разогретый воздух допьяна.
Сердце, охлажденное смятеньем...
Среди многих — жизнь моя одна
шелестит уходом постепенным.

С каждым оборвавшимся теплом
хочется нам мудрыми казаться,
среди самых главных честных слов
хочется продлиться и остаться.

Воронеж

Римма Лютая

* * *

И Тебе Самой оружие пройдет душу...

Отчего на холсте проявляются мертвые лица?
Ты ли, мальчик, бывал там
и слушал «Осанну», дрожа?
Вечерами во храм у горы приходила молиться
Приснодева Мария, живот от толпы сторожа...

Почему ты запомнил бессильные эти колена,
хрупкость рук и на розовый камень
спадающий плащ?
Вянут краски, но душу тревожит
избегнувший тлена
голос Матери тихий —
и детский отчаянный плач.

Посмотрю: все в картине до тени,
до дрожи знакомо,
только облик другой, да рука непривычно пуста...
Что за притча! — вслепую
упрямо глядеться в икону?
В незеркальных глубинах иная живет красота,
древним ликом ясна...
Но глаза закрываю — и помню:
было время, о Боже, послало мне небо Христа...

Воронеж

Александр Нестругин

КАЛИНЫ КУСТ

Осенью мать посадила
У крыльца калины куст.
Отец поворчал сердито,
Потом согласился — пусть.
Вроде не к месту было:
У крыльца — калины куст...
А мать у крыльца посадила
Свою материнскую грусть!
Чтоб грела она и светила
Нам
В далеком краю,
Мать у крыльца посадила
Надежду свою.
Чтоб жизнь нас не закружила
Порознь, по одному.
Чтобы, пока мы живы,
Было встречать кому...

Петропавловка

Рита Одинокова

* * *

Обними меня, мама! Мне так трудно одной.
Посиди со мной рядом безнадежной весной.
Бьется раненой птицей у тебя на груди
Мое бедное сердце. Посиди, посиди.

Приголубь меня, мама. Дни теперь коротки.
Я живу неумело от строки до строки.
Чай не сладкий под утро. Откровенья легки.
Незатейливо память расплетет узелки.

Жили мы друг от друга в безнадежной дали.
Моя юность промчалась без тепла и любви.
Все обиды, обиды шли за нами след в след.
Я старалась быть сильной, коль тебя рядом нет.

Воевать, добывая, защищать и хранить,
Уезжать, возвращаться и родных хоронить.
Пролетело полвека. У судьбы на краю
Я тебя обретаю — и остаться молю.

Мне б впитать твою мудрость и унять твою боль,
На излучине света задержаться с тобой.

Нежность ласковых мыслей убаюкает в ночь,
Под рукой материнской успокоится дочь.

Обними меня, мама! Безмятежно с тобой.
Посиди со мной рядом, колыбельную спой.
Бьется раненой птицей у тебя на груди
Мое бедное сердце. Посиди, посиди.

Россошь

Юрий Перминов

* * *

Время утицей белой плывет
на рассвете далекого мая...
Колыбельную мама поет,
молодую себя вспоминая...
Это там, где идет шестьдесят
первый год, где бабусина липа
расцвела, где закаты гостят
над домами барачного типа,
где читается сердцем строка
горизонта родного — веками,
инвалиду войны сорока
нет еще — из квартиры над нами...
...Наш окраинный мир во дворе
без вражды уместался под вечер,
а потом — на бессмертной заре —
шел доверчиво небу навстречу...
Месяц — теплый, как хлеба ломоть.
Звезды — пышки из райских пекарен.
С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.

Омск

Алексей Прасолов

* * *

Мать наклонилась, но век не коснулась,
Этому, видно, еще не пора.
Сердце, ты в час мой воскресный проснулось —
Нет нам сегодня, нет нам вчера.

Есть только свет — упоительно-щедрый,
Есть глубиной источаемый свет,

Незащищено колеблясь без ветра,
Он говорит нам: безветрия нет.

Мать, это сходятся в сердце и в доме
Неразделимые прежде и вновь,
Видишь на свет — в темножилой ладони
Чутко и розово движется кровь.

Видишь ли даль, где играют, стремятся,
Бьются о стены и бьют через край,
Реют, в извилинах темных змеятся
Мысли людские... Дай руку. Прощай.

Воронеж

Евгений Семичев

МЛЕЧНАЯ РЕЧКА

Млечная речка, вселенская речка,
Ты пробегашь в небесном раю.
Там перед Богом замолви словечко
За молчаливую маму мою.

Мама просить никогда не умела.
Только горела, почти не дыша.
Тает, как воск, ее брненное тело...
В чем-то и держится только душа?!

Млечная речка, небесная речка,
Верю, Господь эту просьбу простит!
Мама моя угасает, как свечка.
Чистое пламя небес не коптит.

Мама всегда перед небом немела.
Все-то старалась молчать да терпеть.
То, что болело, давно отгорело:
Так что и нечему больше гореть.

Маме терпеть уж недолго осталось...
Тает огарочек маминых дней.
Я и прошу только самую малость —
Господи! Маму мою пожалей!

Может, найдется какое местечко
Где-нибудь с краешку в Божьем раю.
Млечная речка, замолви словечко
За терпеливую маму мою!

Новокуйбышевск

Нина Стручкова

* * *

Я верю простому печному огню,
Печальную музу из дома гоню,
Довольно печали на свете!
Но светлая муза не явится мне,
И радости искорки тают в огне,
Да радость ли — искорки эти?
Душа нестареющей болью полна,
Не стоят и строчки вражда и война.
Белеют пустые страницы,
И их покрывает вечерняя мгла,
А мне, чтобы я унывать не могла,
Веселая мама приснится.
Я маму не помню веселой такой.
Утешит, погладит прохладной рукой,
Заставит меня улыбнуться.
Тогда я поверю в спасительный свет,
Где места печалям и горестям нет,
Где вечные строки поются.
И матери наши смеются.

Лобня

Светлана Сырнева

СВАДЕБНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Им досталось местечко в углу фотографии.
Городские-то гости — те мигом настроились,
а они, простота, все топтались да ахали,
лишь в последний момент где-то сбоку пристроились.

Так и вышли навеки — во всей своей серости,
городским по плечо, что туземцы тунгусские.
И лицом-то, лицом получились как неруси.
Почему это так, уж они ли не русские!

Ведь живой ты на свете: работаешь, маешься,
а на фото — как пень заскорузлый осиновый.
Чай, за всю свою жизнь раза два и снимаешься —
лишь на свадьбах, и то: на своей да на сыновой.

Гости спали еще, и не выпито горькое,
но собрала мешки, потянулась на родину
впопыхах и в потемках по чуждому городу
вся родня жениха — мать и тетка Володины.

И молчали они всю дорогу, уставшие,
две родимых сестры, на двоих одно дитяtko
возрастившие и, как могли, воспитавшие:
не пропал в городах и женился, глядите-ко!

А они горожанам глаза не мозолили
и не станут мозолить, как нонече водится.
Лишь бы имечко внуку придумать позволили,
где уж нянчить! Об этом мечтать не приходится.

Может, в гости приедут? Живи, коль поглянется!
Пусть когда-то потом, ну понятно, не сразу ведь...
Хорошо хоть, что фото со свадьбы останется:
будут внуку колхозных-то бабок показывать!

Ну а дома бутылку они распечатали,
за Володюшку выпили, песня запелася:
«Во чужи-то меня, во чужи люди сватали,
во чужи люди сватали, я отвертелася».

Киров

Александр Твардовский

* * *

Прощаемся мы с матерями
Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога,

Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
Спешим известить их по почте.

И карточки им посылая
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.

А там — за невестками — внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

Москва